

Православная церковь Псковской губернии в годы Первой мировой войны

История Русской православной церкви вызывает живейший интерес у исследователей. В последнее десятилетие в печати появились серьёзные работы, посвящённые общей истории церкви (1). Актуальность проблемы обусловлена, во-первых, повышением роли церкви в нашем обществе, изменением её статуса, во-вторых, тем, что в советский период практически не разрабатывались вопросы, посвящённые разным периодам истории церкви, в-третьих, тем, что в научный оборот введены новые документы, новые факты, которые требуют осмысления, оценки, выводов. Опубликованные в 90-х годах обобщающие труды по истории церкви существенно расширили круг вопросов, обсуждаемых в печати. Вместе с тем, они показали, что целый ряд аспектов проблемы разработан недостаточно полно, требует новых подходов, более глубокого анализа и т.д. Одним из таких слабо разработанных вопросов является деятельность церкви в годы Первой мировой войны. Данная статья - попытка осветить эту проблему в региональном аспекте. В псковских архивах отложилось достаточное количество документов, анализ которых позволяет определить основные направления, цели, формы и методы работы церкви в годы войны, а также оценить её эффективность и значимость.

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 года, принесла неисчислимые бедствия и страдания всему человечеству. В ней погибло свыше 10 млн. человек, было ранено и искалечено 22 млн., 15 млн. умерли от эпидемий и голода. Россия вступила в войну 19 июля (1 августа) 1914 года и вынуждена была воевать на два фронта - на Северо-Западе против Германии и на Юго-Западе против Австро-Венгрии. Северо-Западный фронт находился в нескольких сотнях кило-

метров от Пскова, а по мере отступления наших войск фронт всё приближался. Псков невольно становился центром общественной жизни военного времени. Уже в августе 1914 года в губернии было объявлено военное положение, началась мобилизация, на фронт ушло 165 тыс. человек (2). Все жители нашего края, государственные и общественные организации в едином патриотическом порыве активно включились в работу на нужды войны. Самая ответственная миссия - работа с населением - легла на плечи Православной церкви. В эти тяжкие военные дни необходимо было разъяснить тысячам простых людей, многие из которых не умели даже читать, цели начавшейся войны, её характер, рассказать о положении на фронтах, организовать общественность на благо дела - заботу о раненых, сиротах, беженцах, о тех, кто нуждался в помощи и поддержке.

Накануне войны Русская православная церковь представляла собой мощную организацию: 67 епархий управлялись 130 епископами, в 48 тысячах храмов служили 50 с лишним тысяч священников, а вместе с семьями насчитывалось 500 тысяч человек. В стране было около тысячи монастырей, в которых обитало 95 тысяч монахов. При монастырях были организованы 192 больницы на 2368 коек и 113 богаделен на 1517 человек. Церковь имела 4 академии, 58 семинарий, где обучалось 995 студентов академии и 22734 семинариста, кроме того, было создано 35 тысяч церковных школ, в которых обучалось более 30 тысяч учащихся (3). Церкви к тому времени принадлежало 2300000 десятин земли (4). Однако функционально церковь слабела. «Великие реформы» не затронули её, она по-прежнему оставалась в полном государственном подчинении. Священный Синод был государственной структурой, обер-прокуроры Синода назначались и смещались царём. Кстати, за период Первой мировой войны сменилось 6 обер-проку-

Попова Ольга Васильевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Псковского пединститута им.С.М.Кирова

роров. С мая 1911 по июль 1915 Синод возглавлял В.К. Саблер, с июля 1915 по октябрь 1915 - А.Д. Самарин, с ноября 1915 по август 1916 - А.Н. Волжин, с августа 1916 по март 1917 - Н.П. Раев, с марта 1917 по июль 1917 - В.Н. Львов, и с июля по август (всего 10 дней) - А.В. Карташов (5). Такая «чехарда» не способствовала укреплению позиций церкви. И всё же церковь была важнейшим институтом, заботящимся о нравственном здоровье своей паствы.

Кроме того, церковь активно участвовала и в общественно-политической жизни страны. Достаточно сказать, что депутатами IV Госдумы были 46 священнослужителей, в то время как в 1-й Думе их было всего 8 (6). У церкви уже сложились особые традиции патриотического служения, в тяжёлые для страны дни с церковных амвонов всегда звучали не только слова утешения, но и горячие призывы встать на защиту Отечества «не щадя живота». Первая мировая война всколыхнула весь православный мир. Первейшей задачей церкви была необходимость донести до всех граждан страны идею о святости долга патриотического служения Родине. Именно в храмах был зачитан Высочайший Манифест Николая II, в котором император разъяснял своим гражданам причины, цели, характер войны и призывал «оградить достоинство и безопасность Богом хранимой нашей империи». Церковь поддерживала и пропагандировала идею о том, что начавшаяся война и справедливая и освободительная. Вслед за средствами массовой информации священнослужители в своих молитвах называли её Великой Отечественной войной.

Псковская епархия была достаточно крупной, на её территории располагались 403 прихода, в которых служило свыше 1000 священников (7). Возглавлял епархию с 1912 по 1919 годы архиепископ Псковский и Порховский Евсевий (Гроздов) (8). Текущими делами епархии ведала Псковская Консistorия, в состав которой к началу войны входили протоиереи Михаил Лавровский, Александр Иеропольский, Михаил Каменский и священники Михаил Поспелов и Фёдор Колобов (9).

С первых же дней войны Псковская православная церковь активно включилась в общее дело борьбы с вражеским нашествием. Так же как и по всей стране, в псковских церквях зачитывался царский Манифест, разъяснялись основные его положения, проповеди призывали мужское население страны взять в руки оружие для защиты Родины. В условиях введения «сухого закона» священнослужители доказывали необходимость «отрезвления» перед лицом грозной опасности и т.д. Церковь была активным участником всех общегородских мероприятий, проводимых в первые дни войны. Многие из них проводились по инициативе самой церкви. 27 августа 1914 года в 11 часов дня в Пскове прошло необычайно «торжественное молебствие» в кафедральном соборе «о даровании победы русскому оружию над врагами». На этом молебне присутствовали: губернатор, предводители губернского и уездного дворянства, представители общественности и военных властей, огромное количество простых псковичей. После богослужения 6 знамён Псковского ополчения 1855 года, хранившиеся более 50 лет в кафедральном соборе, были окроплены святой водой и торжественно вручены представителям псковского дворянства. Затем они были вынесены на Соборную площадь, и под звуки военного оркестра многотысячная торжественная процессия двинулась на Иркутский плац, где знамена были вручены вновь сформированным воинским частям (10). Такие массовые мероприятия имели огромное значение, они сплачивали народ перед лицом общей беды, давали ощущение причастности к борьбе за правое дело. Поэтому массовые молебны проводились в Пскове регулярно, откликаясь на все значимые события войны. 7 октября 1914 года был совершён Крестный ход с чудотворными иконами Псково-Печерского монастыря и Спасо-Елеазаровской пустыни от Кафедрального собора к реке Великой. Вернувшись на Соборную площадь, несколько тысяч псковичей все как один стали на колени, молясь о победе русского оружия (11). 23 ноября 1914 года воскресную божественную литургию совершил сам владыка Евсевий, он молился святому

благоверному князю Александру Невскому, и ему вторили тысячи голосов (12). И таких примеров было множество.

Патриотический порыв псковичей выразился в стремлении поддержать своего императора в тяжёлый час. Первая телеграмма на имя Николая II была отправлена Городской думой, затем подобный способ выражения верноподданнических чувств получил широкое распространение. В одной из телеграмм, в частности, говорилось: «... Псковское духовенство, во главе с Преосвященным архипастырем Псковским Евсевием, представители местного гарнизона, правительственных, сословных и общественных учреждений, учащие и учащиеся и все жители города Пскова повергают... к стопам Вашего Императорского Величества верноподданнические... чувства горячей и непоколебимой преданности Престолу и Отечеству и пламенной готовности лечь во всякое время костью за Державного вождя земли Русской и пожертвовать всем своим достоянием на благо доблестной великой нашей армии» (13). Телеграммы в адрес императора шли не только от официальных представительств, но и от небольших селений, маленьких приходов и т.д. В ответ Николай II выражал благодарность, не оставлял без внимания ни одно послание. Так, в декабре 1914 года обер-прокурор Синода В. Саблер писал Евсевию: «Государь император благодарит прихожан Воскресенской церкви погоста Лужника Торопецкого уезда за выраженные чувства и готовность оказать содействие раненым воинам и сиротам» (14).

Но не только торжественные молебны и массовые мероприятия поднимали патриотический дух псковичей. Были события, которые навсегда вписаны в историю края. День 29 октября 1914 года был одним из таких знаменательных дней. Её Императорское Величество государыня Александра Фёдоровна вместе с великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной в 9 утра в императорском поезде прибыли в Псков (15). На вокзале их встречали губернатор Николай Николаевич Медем, Великая княгиня Мария Павловна, которая работала в Пскове в прифронтовом лазарете,

восторженные псковичи, приветствовавшие императрицу и её дочерей мощными криками «Ура!». Все псковские церкви встречали гостей торжественным звоном колоколов. Цель высочайшего визита - посещение госпиталей и поддержка находящихся там на излечении воинов. Сразу же с вокзала последовали в лазарет Евгеньевской общины, который помещался в здании Епархиального женского училища, затем в лазарет Красного Креста Алексеевской общины, затем в госпитали № 15 и № 17, находившиеся в здании Сергиевского реального училища. Для каждого раненого нашлись слова утешения и поддержки, всем раздавались святые образки и маленькие подарки. В честь высоких гостей в Псковском кафедральном Благовещенском соборе состоялся молебен. Настоятель собора протоиерей М. Лавровский приветствовал императрицу: «Благочестивейший государь наш своим державным присутствием среди доблестного воинства на бранном поле вселяет твёрдую веру в торжество добра над злом и победу над врагом. Вы же, Ваше Императорское Величество, грядёте к нам, как чадолюбивая мать, как утешительница страждущих от ран героев-воинов, их жён и сирот ...» (16). После службы императрица и дочери посетили ещё военно-полевые госпитали № 19 и № 23, размещавшиеся в казармах Иркутского полка. А в час дня отбыли в Царское Село. Этот приезд всколыхнул всю общественность города и долго был предметом живейшего обсуждения.

В годы войны особую информационную, пропагандистскую и воспитательную роль играла периодическая печать. В Пскове выходили «Псковские губернские ведомости», газеты «Псковская жизнь» и «Псковский голос», а также «Псковские епархиальные ведомости», редактором которых был М. Кутузов. На страницах всех изданий публиковались сведения с театра военных действий, освещались героические подвиги наших солдат и т.д. Особый интерес вызывали письма с фронта, они позволяли читателям проникнуться боевым духом передовых позиций, ощутить свою сопричастность с великим делом борьбы с врагом. Письма были разные: простые и бесхитростные, рассказы-

вающие о жизни и быте солдат на фронте, или же пафосные, проникнутые высокими идеями истинного патриотизма. Вот что писал в декабре 1915 года солдат Леонид Красноумов в редакцию «Псковских епархиальных ведомостей»: «Я переживаю уже вторую войну. Первая - русско-японская - была кошмаром, от которой терялась вера в свое родное, русское. Настоящую войну я сравнил бы с коглом очищения великой русской души. Разогретый огнём истинного патриотизма и настоящей любви к Родине, этот котёл, будем надеяться, переварит все наши недостатки, уничтожит все кавычки и скобки и позволит русскому народу смотреть открытыми глазами на то, на что он до сих пор смотрел прищурясь. Вот почему наша армия, в отдельности каждый солдат, захвачены общим подъёмом и находят в себе скромные силы для той громадной работы, которую дни и ночи, вот уже 16 месяцев творит русская армия.

... В эту войну самым страшным злом казались «чемоданы» и ядовитые газы. Но теперь ... они потеряли уже свою остроту, и к ним мы уже относимся так же, как и ко всем, что ждёт нас на войне.

То, что принято понимать под словом «страх», здесь теряет свою силу ... вы, сидящие в тылу, больше боитесь и теряетесь, чем мы - воюющие». Можно услышать «... от простого русского солдата, что надо напрячь все свои силы и уже довести войну до победного конца, что пусть деревне теперь и тяжело, что пусть будет тяжело ей и после войны, но ведь будет гораздо тяжелее, хуже, если немец опять влезет в русскую общественность. Вот что говорит наш простой народ. ... И отношение к дому у нижних чинов стоит сейчас на громадной высоте» (17). Сколько мужества, мудрости в этих строках, а ведь они написаны в конце 1915 года, в самый сложный период для русской армии.

Периодические издания пользовались большим спросом. Ещё в августе 1914 года Военное ведомство начало издавать особый «Листок» для нижних чинов, в котором разъяснялись цели войны, ход военных действий, описывались подвиги русских «чудо - богатырей», рассказывалось о внутренних событиях в стране, имеющих значение для

победоносного окончания войны. Этот листок назывался «Военная летопись» и широко распространялся в войсках. С 1 января 1916 года было решено распространять его и среди мирного населения. Для прифронтовой Псковской губернии подобное издание имело особое значение, поэтому редактор «Листка» генерал-майор Заусцинский обратился к архиепископу Псковскому Евсевию с просьбой поспособствовать распространению «Военной летописи» среди населения края (18).

В годы войны Православная церковь осуществляла свою деятельность под эгидой государства, в русле его политики и при полной его поддержке. Все мероприятия проводились совместно с государственными институтами с широким привлечением общественных организаций. Но были у церкви и свои особые функции, часть которых возникла лишь в годы войны. Во-первых, информационная, все значимые события войны, будь то победы войск или их неудачи, находили отражение в торжественных церковных молебнах. Зачастую население узнавало о состоянии дел на фронтах только в стенах храмов. Во-вторых, идеологическая, патриотическое служение самой церкви и её стремление возродить эти высокие стремления в своей пастве, имели огромное значение. В-третьих, воспитательная, в тяжкие дни войны нравственное здоровье общества было особенно важным, забота об этом была одной из главных задач церкви. В-четвёртых, социальная, ведь в годы войны десятки тысяч людей оказались без пищи и крова, потеряли своих близких, испытывали боль и отчаяние. Они нуждались в помощи, поддержке, защите. Заботу о них и взяла на себя церковь.

Любая война – это всегда кровь и смерть, любая война – это десятки тысяч изувеченных, искалеченных людей, раненых и больных. Забота о них – это тяжкий и физический и духовный труд. Видеть страдания и боль другого человека иногда ещё тяжелее, чем страдать самому. Забота о страждущих всегда была одной из главных задач православия. Поэтому с первых дней войны церковь взяла на себя часть этих забот.

Конечно, основную тяжесть забот о раненых взяло на себя государство. Была

сформирована Главная Санитарная и Эвакуационная часть, верховным начальником которой являлся генерал-адъютант принц Александр Ольденбургский (19), в ведении части находились военные госпитали. Псков входил в Двинский военный округ, на его территории были сформированы 27 госпиталей (20). В подчинении Санитарной части находился и Тыловой Эвакуационный пункт, созданный в Пскове, его возглавлял генерал-лейтенант Павлов (21).

Первая партия раненых воинов прибыла в Псков 7 сентября 1914 года. К вокзалу собрался буквально весь город, раненые были перевезены на автомобилях, в каретах, в вагонах трамвая и размещены по госпиталям (22). После этого дня раненые стали поступать в город регулярно. Их было так много, что решено было построить новые рельсовые пути от ст. Псков, где находились бараки для раненных, до трамвайного пути длиной 290 сажен. Стоимость проекта была серьёзной - 4809 р. 68 коп. (23).

Приём раненых был организован очень чётко, для сортировки поступающих раненых было установлено 5 видов карточек: 1) для тяжело раненных - белого цвета со скошенными верхними краями, 2) для легко раненных - белая четырёхугольная, 3) для остро заразных - красная четырёхугольная, 4) для больных венерическими заболеваниями - красная со скошенными верхними краями, 5) для прочих - синяя (24). Карточки вешались солдатам на грудь поверх одежды и служили яркими и чёткими сигналами для распределения по госпиталям и отделениям.

В ноябре 1914 года принц Ольденбургский, верховный начальник Санитарной и Эвакуационной части, издал специальный указ, строго регламентирующий внутренние правила военных лазаретов и всех лечебных заведений империи. В приказе подчёркивалось, что все раненые числятся в составе армии, поэтому воинская дисциплина для них обязательна, а нарушители должны наказываться. Правила запрещали азартные игры, регламентировали время прогулок и посещений и т.д. Но солдатам разрешалось посещать богослужения (25). Для тяжелораненых солдат пастырские обязанности исполнялись

прямо в лазаретах, к каждому госпиталю «прикреплялся» священник. Например, полевой госпиталь № 20 посещал законоучитель женской гимназии о. Н. Колиберский, госпиталь № 22 - священник Троицкого собора о. Пётр Любимов и т.д. (26). Кроме православных священников, раненых посещали представители других конфессий. Работали в госпиталях пастор евангелическо-лютеранского прихода святого Якова Фридрих Карлович Дрекслер (27), настоятель местного костёла отец Францишку Лесгафт (28) и др.

Кроме военных госпиталей, были созданы лечебные заведения рядом общественных организаций. Серьёзную роль в этом деле играло Российское Общество Красного Креста, которое заботу о раненых считало своей первейшей задачей.

Главным уполномоченным Северного района Красного Креста был генерал-майор Волков (29). Председателем местного управления Российского Красного Креста был Фёдор Михайлович Балувев (30). В состав управления входили отставной генерал-лейтенант Николай Фомич Окулич-Казарин, губернатор барон Николай Николаевич Медем, вице-губернатор Сергей Дмитриевич Оболенский, Псковский губернский предводитель дворянства Сергей Иванович Зубчанинов, Псковский городской голова Алексей Алексеевич Агапов, председатель окружного суда Леонид Александрович Шульгин, начальник Псковского гарнизона генерал-лейтенант Георгий Сергеевич Осипов (31), люди всё уважаемые и деятельные. Уже с сентября 1914 года местное отделение Красного Креста организовало сбор добровольных пожертвований в пользу раненых. Ф.М. Балувев обращался за помощью в этом деле к председателю Псковской уездной управы В.В. Назимову, Островской - А.А. Макарову, Новоржевской - Н.Н. Рокотову и другим. На средства местного Управления Красного Креста было решено соорудить санитарный поезд из 13 вагонов, так как постоянно прибывающих в Псков раненых необходимо было развозить по уездным госпиталям. Уже в сентябре было специально оборудовано 3 вагона (32), а к концу сентября их было 9 (33).

Самые крупные пожертвования в пользу раненых были сделаны: Псковским губернским земством - 1000 руб., Новоржевским - 600 руб., Островским и Холмским по 500 руб. (34). Холмская городская дума также пожертвовала 1000 руб. (35), из частных пожертвователей самый крупный вклад сделал коммерции советник П.Д. Батов (36). Всего на поезд было собрано 6000 руб. (37).

Самым крупным лазаретом под эгидой Красного Креста был лазарет № 3 Алексеевской общины сестёр милосердия, он открылся 18 октября 1914 года (38), к ноябрю 1914 года в нём было оборудовано 379 кроватей (39). При общине был попечительский совет, в состав которого входили: председатель - жена Псковского губернатора баронесса Т.Н. Медем и заместитель - жена губернского предводителя дворянства Е.А. Зубчанинова (40).

В конце декабря 1914 года в лазарете Алексеевской общины находилось 324 раненых, среди них и наши земляки - Дмитрий Петров, рядовой Гдовского полка, родом из Псковского уезда, рядовые Василий Алексеев и Сергей Тжилерев, оба из Можайского полка и оба родом из Порховского уезда, и др. (41).

Кроме государственных и общественных госпиталей, огромную роль в деле помощи раненым воинам сыграли лазареты, созданные под эгидой Псковской епархии. С самого начала войны Псковская Консistorия объявила о сборе средств на лечение больных и раненых воинов. Уже в сентябре 1914 года в Консistorию поступило от церквей 2945 руб. 97 коп., от монастырей - 9320 руб., а к началу 1915 года общая сумма пожертвований составила 21344 руб. 52 коп. (42).

Средства необходимы были на обустройство лазаретов. 2 сентября 1914 года помещение Псковского духовного училища было занято под военный госпиталь № 4 (43). Тогда же был занят под госпиталь нижний этаж Епархиального женского училища (44), а уже в октябре всё здание женского училища было переоборудовано в лазарет для раненых Евгеньевской общины сестёр милосердия (45). Слушатели духовных училищ принимали активное участие в обустройстве

лазаретов, учащиеся старших классов работали санитарями (46).

Так как поток раненых, поступающих в Псков, с каждым днём увеличивался, Псковская Консistorия приняла решение оборудовать лазареты при монастырях. Этот опыт был не нов, ещё до начала войны при монастырях в России существовало 192 больницы (47). На территории нашего края были довольно крупные обители - Псково-Печерский монастырь, Спасо-Елеазаровский, Снеготорский, Крыпецкий, Никандрова пустынь, Иоановский и др. Все они откликнулись, включились в общее благое дело. В течение осени 1914 года была создана целая сеть лазаретов.

19 октября 1914 года был освящён лазарет на 20 кроватей в Старо-Вознесенском женском монастыре (48), 21 октября - лазарет Ильинской общины на 32 кровати (49), небольшие лазареты на несколько кроватей были открыты в Иоановском и др. монастырях и т.д. (50).

Своих средств на содержание лазаретов у монастырей и общин было недостаточно. Пришлось обратиться за помощью к населению. 10 сентября 1914 года Святейший Синод постановил - разрешить проводить тарелочные церковные сборы в пользу участников и жертв войны (51). Кружки для сбора средств были установлены во всех приходах. Вместе с Духовной Консistorией в сборе средств участвовали Общество Красного Креста и другие общественные организации. Кружки для сбора средств были установлены в 83 местах - в магазинах, на лесопильном заводе Викенгейзера, литейном заводе Штейна, в Землемерном училище, нотариальных конторах, канцелярии псковского губернатора и многих других местах (52). Все кружки были пронумерованы и вскрывались ежемесячно в присутствии специальных уполномоченных. Несмотря на то, что псковичи активно участвовали в сборе средств, денег на содержание лазаретов не хватало. Тогда духовенство Псковского округа постановило:

- 1) ежемесячно 2% церковного дохода отчислять в пользу раненых и их семей,
- 2) создать в приходах особые попечи-

тельские советы для поддержки семей, пострадавших от войны,

3) ежегодно каждому священнослужителю жертвовать на лазареты свои личные средства: псаломщики - 4 рубля, дьяконы - 8 рублей, протоиереи и священники - 12 рублей (53).

Если учесть, что в Псковском округе было 472 протоиерея и священника, 155 дьяконов и 462 псаломщика, сумма набегала немалая (54).

Кроме того, Консistorия приняла решение создать особый общепархиальный лазарет, который содержался бы на средства Консistorии. Организационную работу взял на себя особый Комитет, в состав которого входили священники Алексей Фаворский, Владимир Павский, Иоан Коведяев, дьякон Михаил Дориомедов (55).

В лечебных заведениях при духовных учреждениях была особая атмосфера умиротворения, милосердия, доброты. Это очень ценили попавшие туда воины. В газете «Псковский голос» было опубликовано письмо раненых, находящихся на излечении в лазарете Иоановского монастыря: «... покорнейше просим Вас не отказать нам посредством Вашей газеты выразить нашу искреннюю сердечную благодарность г-ну доктору В.А.Белиловскому за его усердное лечение, матери игуменье за её доброе отношение и хлопоты о нас, сестрице О.И. Жданко, проводившей около нас целые дни с раннего утра до поздней ночи, всем сестрам-монахиням, проводившим бессонные ночи возле нас, также попечительнице Т.И. Медем и заведующему К.Е. Повало-Швейковскому за их отношение и старания доставить нам всякие удовольствия. Отношение всех упомянутых лиц к нам было так хорошо, приём и уход были такие превосходные, что мы не в состоянии этого описать. Мы их сердечно благодарим за их самоотверженный уход. Спасибо им. Никогда не забудем» (56).

Но простого человеческого тепла и сердечного участия было недостаточно. Раненых нужно было кормить, одевать, обувать. При Епархиальном женском училище была создана мастерская по пошиву одежды для больных и раненых. Также в училище был оборудован склад для хранения вещей для

раненых. Дело в том, что в ноябре 1914 года обер-прокурор Синода В. К. Саблер обратился к Евсевию с просьбой организовать среди населения сбор теплых вещей для воинов. Война обещала быть долгой, а надвигалась зима. Со 2 по 8 ноября в Пскове была объявлена неделя сбора теплых вещей. Результат превзошёл все ожидания, было собрано значительное количество полушубков, фуфаек, теплых рубах, носков и т.д. Сюда же на склад поступали сшитые женщинами простыни, халаты, наволочки, полотенца. Все поступающие вещи тщательно регистрировались, а в «Псковских епархиальных ведомостях» печатались отчёты о деятельности склада Епархиального женского училища, с точным указанием как числа хранящихся предметов, так и их движения.

Такие же сборы проводились во всех уездах. Так, временный комитет Общества Красного Креста был открыт в Опочке 15 сентября 1914 года, при нём был сразу же создан дамский кружок по шитью белья для солдат (57). За первые четыре месяца было собрано 3 транспорта вещей и подарков для солдат и отправлено на передовые позиции, общим весом 789 пудов (58). 11 декабря 1914 года священник о. Иоан Загорский сопровождал к местам боевых действий 87 полушубков, 16 пар валенок, 280 сорочек, 630 пар носков, 1108 пар перчаток, 640 кисетов с табаком, а также сахар, пряники, печенье, шоколад, бумагу, карандаши, конверты (59). Все вещи были розданы солдатам Сибирского стрелкового полка. В благодарственном письме командир полка писал: «Сколько отрадных минут доставили Вы полку... этот день будет памятен для нас, и наши сердца забьются ещё сильнее при сознании, что Святая Православная Русь не лишена тех добрых людей, которые отзываются на всякую нужду страждущего воина» (60).

Необходимо подчеркнуть, что все благие начинания находили отклик в самых разных уголках нашего края. Лазареты были устроены в Спасо-Казанском монастыре Островского уезда, в Дно, в Сольцах, в Порхове и многих других местах. В их устройстве участвовали не только общественные организации и комитеты, но и частные лица.

В городе Торопце лазарет был устроен на средства семьи генерал-лейтенанта В.А. Арбузова, в нём активно работала его жена, в Новоржевском уезде в селе Бежаницы, кроме лазаретов земских и волостных органов, был устроен лазарет купцом А.П. Кудровым, в Порховском уезде обустройством лазарета в погосте Дубровно занялось семейство местного помещика П.Н. Мышецкого, и таких примеров было множество. Лечебные заведения были разными по численности коек - от 5 до 400, по-разному оборудованы, но в каждом из них раненые получали не только медицинскую помощь, но и простое человеческое тепло и участие.

Кроме стационарных лазаретов, в годы войны широкое распространение получили передвижные. Первые санитарные поезда для транспортировки раненых по уездным госпиталиям формировали ещё в сентябре 1914 года. Позднее стали оборудовать передвижной лазарет, который отправлялся на передовые позиции. Средства на него собирали «всем миром». 1000 рублей прислал в Псков Главный Комитет Всероссийского Земского Союза (61), но основные средства были собраны среди псковичей. Учёт пожертвованных вёлся очень строго, списки жертвователей с указанием суммы взноса печатали в «Псковских епархиальных ведомостях» и местных газетах. Отчёт о расходовании средств доводили до сведения каждого жертвователя, независимо от того, какова была сумма взноса - 50 рублей или 500. Медперсонал подвижного лазарета состоял тоже из наших земляков. Так, например, Алексеевская община сестёр милосердия отправила для обслуживания лазарета 16 своих сотрудников (62).

Подвижные лазареты сыграли важную роль. Благодаря их деятельности были спасены жизни тысяч солдат, которые получали медицинскую помощь практически на поле боя. 2 октября 1915 года газета «Правительственный вестник» сообщала, что в последних боях на передовых позициях подвижные лазареты из Пскова и Нижнего Новгорода «работали под огнём неприятеля для последней возможности» (63).

Широкая сеть лазаретов - военного ве-

домства, общественных организаций, частных - потребовала большого количества медицинского персонала. Быстро решить эту проблему помогли краткосрочные курсы медсестёр, созданные повсеместно.

Женщины разных сословий, разного социального статуса учились оказывать первую медицинскую помощь и шли в госпитали, считая это своим вкладом в общее дело победы над врагом. Особое значение имели широко распространённые сведения о том, что в ноябре 1914 года императрица Александра Фёдоровна и великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна «выдержали испытание на звание сестёр милосердия при Царскосельской общине сестёр милосердия» (64).

Женщины, получавшие навыки сестёр милосердия, принадлежали к разным социальным группам - жёны и дочери местных дворян, священнослужителей, учительницы и простые крестьянки. В патриотическом порыве десятки псковичек обращались в Общество Красного Креста с просьбой послать их «на театр военных действий, на передовые позиции». Среди них - учительница Антонина Александровна Геропольская из Пскова, дворянка Зоя Анатольевна Кусакова из Торошина, фельдшер-акушерка Вера Захаровна Павлова из Новоселья, повивальная бабка Анна Дмитриевна Милославская из Острова (65) и многие другие.

Были у женщин и другие, менее опасные, но не менее серьёзные заботы. Так как война затягивалась, а мобилизация практически лишила псковскую деревню мужского дееспособного населения, вся тяжесть сельхозработ в деревне легла на женские плечи.

Весной 1915 года Псковская Духовная Консистерия рассматривала вопрос об устройстве «по возможности во всех селениях особенные детские приюты, или так называемые ясли» (66). Работающие при каждом приходе попечительские советы получили право образовывать «особые кружки из лиц женского пола, желающих приложить свой труд в деле должного ухода и надзора за детьми» (67). Было рекомендовано создавать объединённые ясли на несколько селений.

Приходские священники, хорошо зная свою паству, активно участвовали в подборе кадров для работы с детьми. Но особое сострадание вызывали дети, оставшиеся сиротами. 30 декабря 1914 года Синод принял указ об открытии при мужских монастырях помещений для увечных воинов, нуждающихся в укреплении здоровья, а при женских - приютов для детей-сирот. Псковские монастыри сразу же откликнулись и заявили о готовности принять на полное содержание 44 девочки, «а если им не понадобится одежда, то 49» (68).

Кроме раненых и увечных воинов, детей-сирот, церковь взяла под своё покровительство ещё одну категорию населения - беженцев. Псковский край находился от линии фронта в нескольких сотнях километров, по сути, был прифронтовой зоной. С первых месяцев войны на территории края появились первые беженцы, а к середине 1915 года проблема их размещения встала достаточно остро, общее их число достигло 20 тысяч человек.

20 июля 1915 года состоялось общее собрание всего псковского духовенства совместно с церковными старостами, главный вопрос, который решался, - призрение беженцев. С конкретными предложениями выступил сам Евсевий, собрание его единодушно поддержало. Было решено в фонд поддержки беженцев: 1) сделать единовременные отчисления всем приходам; 2) ежемесячно отчислять в этот фонд 1% доходов; 3) здания церковноприходских школ отвести под квартиры для беженцев. 26 июля был учреждён Особый комитет по призрению беженцев в составе председателя - протоиерея Иеропольского и членов - священников П. Любимова, А. Баллода и церковных старост О. Шорохова и А. Алексева (69). Комитет работал до 1 ноября 1915 года, а затем вопросы беженцев перешли по решению Синода в ведение Псковского Кирилло-Мефодиевского братства.

К 1916 году в Пскове насчитывалось 1475 человек, или 524 семьи, беженцев. Среди них 138 семей - православные, 230 - католики, 73 - лютеране, 83 семьи - старообрядцы, никому не было отказано в помощи (70). За 1916 год прибыло ещё 873 семейства. По решению собрания часть семей была разме-

щена в церковноприходских школах, часть нашла приют в монастырях, например, Крыпецкий принял 27 человек. Был объявлен сбор средств в пользу беженцев, за 5 месяцев 1915 года было собрано 2740 рублей 22 копейки, а в 1916 году сумма сборов составила 3092 рубля 28 копеек (71). Для беженцев собирали продукты, одежду, обувь и т.д. Создавали питательные пункты. Заботился Комитет и об устройстве беженцев на работу. Так, 30 латышей работали на строительстве здания Окружного суда, часть беженцев была привлечена к работе в губернской канцелярии писцами и т. д. (72).

В деле поддержки беженцев Псковская Консистория тесно сотрудничала со столичными организациями.

В 1915 году в Петроградском Центральном училище технического рисования под покровительством великой княжны Татьяны Николаевны готовилась выставка «церковной старины», все средства от проведения которой должны быть направлены в Фонд пострадавших от военных действий. Устроители выставки обратились в Псковскую Духовную Консистирию с просьбой выслать на выставку в качестве экспонатов псковские церковные раритеты: из Троицкого собора - Евангелие 1532 года, два архиепископских посоха 1436 и 1695 годов, два креста на престольных с филигранью XVII века, чашу водосвятную 1674 года и др.; из Псково-Печерского монастыря - плащаницу XVI в., шитую царицей Анастасией Романовой, две чаши водосвятные, подарок царя Михаила Фёдоровича, две фелони и серебряную ладоницу XVII века и др.; из Успенской Пароменской церкви - золотое блюдо, две панагии серебряные, украшенные драгоценными камнями с карбошонами посередине, XVII века, образец костяной с резным изображением трёх Святителей и архидьякона Стефана, XVI в., бронзового Хороса, найденного в озере, XIV в. и т.д. Это были настоящие сокровища! Поэтому, несмотря на столь высокое покровительство, Псковская Консистория всё-таки отказала просящим, мотивируя свой отказ тем, что древности «являются униками и редчайшими как в археологическом, так и в художественном отно-

шении, освящены употреблением при совершении богослужений и таинств, а доставка их на выставку вследствие их ценности крайне затруднительна при настоящих условиях движения груза и невозможна без специального командированного для сего лица и притом в священном сане ...». Общая стоимость реликвий оценивалась в 75000 рублей (73).

Вот как бережно относилась Консистория к своим ценностям. О её рачительности говорит и такой интересный факт. Весной 1915 года Консистория рассматривала вопрос о необходимости увеличения числа кроватей в Епархиальном лазарете. Имеющихся в распоряжении средств не хватало, тогда возникла идея использовать деньги, оставшиеся на хранении в Консистории ещё со времён русско-японской войны в сумме 4500 рублей. 21 декабря 1905 года в журнале съезда депутатов было записано: «Просить Епархиальное попечительство принять на себя труд хранить этот капитал (остаток от содержания лазарета для раненых воинов в русско-японскую войну) на случай непредвиденных и безотлагательных нужд Епархии» (74). Десять лет пролежали эти деньги, но и весной 1915 года решили их не трогать. По-прежнему выручали добровольные пожертвования. Изыскивались и другие способы получения дополнительных средств. В марте 1915 года была разыграна благотворительная лотерея, лотерейные билеты вышли двумя выпусками на общую сумму 2000000 рублей, были разделены на 20000 серий по 100 билетов в каждой. Билет содержал пять частей и продавался либо целиком, либо по частям, одна часть стоила 1 рубль, а целый билет - 5 рублей, выигрыш соответственно был полный или одна пятая часть. Самый крупный выигрыш составлял 100000 рублей (75). Все доходы от лотереи шли на помощь раненым, детям-сиротам, беженцам и другим незащищённым категориям населения края. Кроме того, были выпущены патристические почтовые марки, к стоимости которых прибавлялась 1 копейка. Это было доступно каждому, каждый мог ощущать себя причастным к общему делу борьбы с врагом. Полученные таким путём средства также поступали в фонд поддержки постро-

давших от войны. Серьёзную поддержку лазаретам и приютам оказывали деловые круги нашего города, во многих магазинах - Александрова, Жиглевича, Перлова и др. - проводились кружечные сборы, многие предприниматели сотрудничали с конкретными лазаретами, адресную помощь оказывали кожевенный завод Ильи Александровича Сафьянщикова, магазин мануфактурных и меховых товаров братьев Беловых и др. (76).

Таким образом, все жители нашего края принимали участие в поддержке тех, кого опалила война. Но была ещё одна святая обязанность у церкви и у всех христиан - обязанность отдать последнюю дань тем, кто погиб на этой войне. В сентябре 1914 года обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер внёс предложение об увековечении памяти погибших в войне с Германией и Австро-Венгрией. Это предложение нашло поддержку Синода. 25 сентября была создана «с Высочайшего соизволения» и под покровительством Александровского комитета заботы о раненых (который к тому времени готовился к своему столетнему юбилею) межведомственная комиссия. Возглавил комиссию председатель Александровского комитета, военный министр генерал - адъютант Сухоминов (77). Было решено: 1) во всех приходских церквях сооружать доски с начертанием имён павших воинов; 2) на родине убитых на видных местах ставить памятники, «хотя бы примитивного устройства» в виде часовен, крестов, каменных столбов и т.п.; 3) умирающих в госпиталях воинов хоронить в одном месте, на определённом кладбище, впоследствии такие места должны быть обсажены деревьями, обеспечены решётками и представлять братские кладбища, где тоже должны быть часовни и кресты; 4) духовенство должно оказать содействие в устройении братских кладбищ, в сооружении памятников и досок в церквях (78).

Псковская Духовная Консистория тут же откликнулась на это решение и постановила: приобрести доски для начертания имён погибших; духовенству всех уездных городов обратиться к Городским Уpravам с просьбой отвести на городских кладбищах специальные места для погребения умерших

в лазаретах воинов; в будущем взять на себя заботу о братских кладбищах (79).

18 ноября 1914 года заседала Псковская городская дума и решала вопрос о выделении специальных участков для погребения воинов, с целью последующего превращения этих мест в братские кладбища. Было решено выделить дополнительную землю Мироносицкому кладбищу (1 десятину с западной стороны - 2304 кв. сажени). Ответственным за благоустройство братского кладбища был назначен священник А.В. Юпашевский (80).

Военных, умерших в Псковских госпиталях, хоронили также на кладбище церкви Псковского военного гарнизона, настоятелем которой был Василий Белавин (81).

Раненые воины, дети-сироты и беженцы, все, кто нуждался в помощи и поддержке, получали её от церкви. Не забыты были и те, кто оказался в плену. По инициативе императрицы Александры Фёдоровны, которая «принимая близко к сердцу нужды воинов» образовала под своим покровительством особый Комитет помощи военнопленным, начался сбор средств в их пользу. На страницах «Псковских епархиальных ведомостей» был опубликован призыв: «Откликнитесь же, русские люди, на сей призыв царицы нашей и да не оскудеет помощь Ваша русским пленным воинам в полной уверенности, что пожертвования Ваши будут доставлены по назначению, благодаря установленным Обществом Красного Креста мерам» (82). И призыв этот был услышан. Кроме того, по инициативе обер-прокурора Священного Синода и по указу императора в апреле-мае 1915 года была создана Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками, в том числе и нарушения правил содержания военнопленных. Всем епархиям было велено собирать сведения о всех случаях нарушения международных норм и «неукоснительно и без промедления» сообщать их Комиссии (83).

Неутомимое служение церкви в годы войны снискало признательность и было вознаграждено по заслугам. Сотни священников, исполнявших свой долг в воинских под-

разделениях на передовых позициях, в лазаретах и госпиталях, в сиротских домах и домах призрения, были представлены к правительственным наградам. Среди них и псковские святители: протоиерей Николаевской церкви М. Каменский - к ордену Святого Владимира 4 степени, протоиерей Алексеевской церкви М. Поспелов - к ордену Святой Анны 2 степени, протоиерей Космодемьяновской церкви В. Павский - к ордену Святой Анны 3 степени, и др. (84).

Несмотря на беззаветное служение тем, кто нуждался в помощи и защите, разрешить все проблемы так и не удалось. Война тяжким бременем ложилась на плечи простого народа, противоречия накапливались и в конце концов привели к революционному взрыву. Февральская революция круто изменила положение церкви. Старый Синод был распущен, и по решению Временного правительства началась подготовка к Всероссийскому Собору. Эта работа началась в июне 1917 года и была возложена на Предсоборный Совет, состоявший как из духовенства, так и мирян. 10 (23) июля Совет опубликовал правила выборов на предстоящий Собор. Они были трехступенчатыми. Сначала на всеобщем приходском собрании лица обоего пола избирали выборщиков на Благочинный съезд, а затем выборщики, обязательно мужчины не моложе 25 лет, избирали выборщиков на Епархиальное собрание - двух клириков и трёх мирян. Епархиальное собрание закрытым голосованием избирало пять членов Собора, также двух клириков и трёх мирян. Епархиальные архиереи отправлялись на Собор по должности (85).

Собор открылся в Москве 15 (28) августа 1917 года, он не собирался 217 лет. На нём присутствовали 564 депутата - 73 архиерея, 192 приходских клирика и 299 мирян (86). В общей сложности состоялись три сессии Собора - в августе-декабре 1917 г., феврале-апреле 1918 г. и июне-сентябре 1918 г. Октябрьские события вновь круто повернули жизнь церкви, началось великое многолетнее противостояние Православной церкви и Советской власти. В истории этого противостояния ещё много «белых пятен», которые ждут своих исследователей.

Таким образом, в ходе Первой миро-

вой войны произошло коренное изменение статуса, положения и позиции Православной церкви. В первые годы войны она осуществляла свою деятельность вместе с государственной властью и под её покровительством, и главной её задачей была организация паствы на борьбу с врагом, на защиту Отечества, поддержка тех, кто нуждается в помощи. В конце войны церковь потеряла поддержку власти, стала подвергаться гонениям, и главной её задачей стала борьба за собственное выживание.

Примечания

1. *Никольский Н.М.* История русской церкви. - Минск, 1990; *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. - М., 1993; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700-1917. - М., 1996; *Николин А.* Церковь и государство. - Изд-во Сретенского монастыря, 1997, и мн. др.
2. Псковский край в истории России. - Псков, 1994, с. 215.
3. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 35.
4. *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 465.
5. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700-1917. - М., 1996, с. 658.
6. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. Сс. 31-32.
7. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 19, с. 414.
8. *Смолич И.К.* История русской церкви. С. 658.
9. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 313, л. 3.
10. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 17, с. 363.
11. Там же, № 19, с. 413.
12. Там же, №22, с. 477.
13. Там же, 1915, №6, с. 137.
14. Там же, 1915, №2, с. 17.
15. Там же, 1914, № 21, с. 457.
16. Там же, с. 458.
17. Там же, 1916, № 4, с. 77-79.
18. Там же, сс. 45-46.
19. ГАПО, ф. 49, оп. 2, д. 16, л. 11.
20. Там же, л. 10 (об.).
21. Там же, л. 55.
22. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 17, с. 365.
23. ГАПО, ф. 49, оп. 2, д. 14, л. 16 (об.).
24. Там же, д. 16, л. 62.
25. Там же, лл. 4-4 (об.).
26. Там же, л. 10.
27. Там же, л. 7.
28. Там же, л. 9.
29. Там же, д. 19, л. 5.
30. Там же, д. 14, л. 9.
31. Там же, д. 21, л. 89.
32. Там же, д. 19, л. 2.
33. Там же, л. 8.
34. Там же, д. 21, л. 53 (об.).
35. Там же, д. 14, л. 13.
36. Там же, д. 21, л. 53 (об.).
37. Там же, л. 19.
38. Там же, д. 20, л. 47.
39. Там же, д. 21, л. 65.
40. Там же, л. 69.
41. Там же, д. 20, лл. 13, 28, 32 (об.).
42. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 313, л. 201.
43. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 17, с. 364.

44. Там же, № 18, с. 388.
45. Там же, №21, с. 457.
46. Там же, № 24, с. 525.
47. *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 468.
48. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 20, с. 439.
49. Там же, с. 440.
50. Там же, с. 415.
51. Там же, 1914, № 17, с. 374.
52. ГАПО, ф. 49, оп. 2, д. 17, лл. 37-38.
53. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 19, сс. 413-414.
54. Там же, с. 414.
55. Там же.
56. ГАПО, ф. 49, оп. 2, д. 22, л. 318.
57. Псковские епархиальные ведомости, 1915, № 5, с. 107.
58. Там же.
59. Там же, № 1, с. 18.
60. Там же, с. 19.
61. ГАПО, ф. 49, оп. 2, д. 19, л. 22.
62. Там же, д. 14, л. 8.
63. Там же, л. 110.
64. Там же, д. 16, л. 86.
65. Там же, д. 24, лл. 2-6.
66. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 313, л. 204 (об.).
67. Там же, л. 205.
68. Там же, л. 384.
69. Там же, л. 457-458.
70. Псковские епархиальные ведомости, 1916, № 10, с. 212.
71. Там же.
72. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 313, л. 458.
73. Там же, л. 108-110.
74. Там же, л. 199 (об.).
75. Псковские епархиальные ведомости, 1915, № 4, с. 56.
76. ГАПО, ф. 49, оп. 2, д. 29, лл. 14, 19, 44.
77. Псковские епархиальные ведомости, 1914, № 22, с. 235.
78. Там же, с. 236.
79. Там же, с. 237.
80. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 8240, лл. 16-17.
81. Там же, л. 7.
82. Псковские епархиальные ведомости, 1915, № 14, с. 167.
83. Там же, №№ 11-12, с. 123.
84. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 315, л. 37 (об.).
85. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. Сс. 36-37.
86. Там же, с. 38.